

УДК 811.511.1

Р. Ш. Насибуллин

**БУЛГАРИЗМЫ И ИХ ОТНОШЕНИЕ
К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ РАСПАДА
ОБЩЕПЕРМСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ***

Удмурт калыклэн историез – удмурт кыллэн пушказ.
(История удмуртского народа – в его языке).

Кузебай Герд

Данная статья посвящена вопросам времени распада общепермской языковой общности на основе новой трактовки лингвистических материалов, добытых учеными нескольких поколений, а также самим автором в ходе работы над Лингвистическим атласом Европы и Диалектологическим атласом удмуртского языка, а также в ходе составления «Историко-хронологического словаря русских заимствований в удмуртском языке (на основе письменных источников 1711–2016 гг.)».

Ключевые слова: общепермская языковая общность, критика миграционной теории, языковые контакты, удмуртский язык, коми язык, болгарский язык, татарский язык, русский язык, булгаризмы, татаризмы, русизмы, параллельные русско-татарские заимствования.

Многие ученые, в их числе такие, как В. И. Лыткин, М. Р. Федотов, К. Редэи, А. Рона-Таш, И. В. Тараканов и другие, серьезно занимавшиеся болгарскими заимствованиями в пермских языках, 50–25 лет назад почти слово в слово повторяли выдвинутый Ю. Вихманном [1] еще в начале прошлого столетия постулат, который гласит, что неравномерное распределение булгаризмов в пермских языках связано с локальным разобщением в пространстве отдельных пермских племен, приведшим к распаду общепермской языковой общности [2. С. 24–25; 3. С. 22; 4. С. 281–298; 5. С. 99; 6. С. 33; 7. С. 30; 8. С. 57; 9. С. 200; 10. С. 13].

По их мнению, булгаризмы, являющиеся общими для всех пермских языков (к ним относят около 20 слов), будто бы усвоены в тот период, когда предки коми

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00478.

и удмуртов составляли языковое и территориальное единство, а около двухсот (по М. Р. Федотову – 438 слов) болгаризмов удмуртским языком заимствовано после того, как «к IX–X вв. коми окончательно ушли на север и отделились от удмуртов и болгар» [8. С. 57].

Миграционная теория распада общепермской языковой общности, предложенная в свое время Ю. Вихманном, полностью была воспринята на веру всеми специалистами по пермским языкам, и они по сей день находятся в плену этой теории. Когда в топонимах, отдельных выражениях и сложных терминах коми языка были обнаружены названия теплолюбивых растений, которые теперь на коми земле не произрастают, лингвисты стали утверждать, что данные фитонимы завезены на север коми населением, когда оно переселилось с юга в IX–X вв. Для иллюстрации подобных высказываний приведу строки известного специалиста в области изучения исторической лексики пермских языков Е. С. Гуляева: «В древние времена предки коми жили совместно с предками удмуртов в бассейне реки Камы. В лесных местах на этой территории были распространены орешники, которые, безусловно, имели соответствующее название (*пашкан* или *пашну*). В бассейне рек Вычегды и Печоры, куда позднее переселились наши предки, они не произрастали, именно поэтому в некоторых диалектах коми языка старым словом стали называть новое явление – широко распространенный в этих местах шиповник» [11. С. 135; 12. С. 138]. Перефразируя эти строки, в одной из ранних работ А. Н. Ракин писал: «Предки современных коми-зырян словом *пашкан* некогда обозначали орешник, ср. удм. *пашну* ‘орешник’ (*пу* ‘дерево’), но по их прибытии на свое теперешнее местожительство (современная территория Коми республики), где эти растения не произрастали, старый фитоним был приспособлен к новым условиям, в некоторых диалектах его стали употреблять как название шиповника. Точно так же поступили носители говора села Помоздино со словом *жов* ‘калина’ (удм. *шу* ‘калина’. – Р. Н.). Фитоним *жов* не был предан забвению – теперь обозначает крушину ольхововидную» [13. С. 38].

Однако причина перенесения одного фитонима на другой кроется не в том, что коми сменили место своего проживания с теплым климатом на холодный, а в изменении климата в эпоху так называемого малого ледникового периода, притом северная часть предков коми задолго до конца прошлой эры уже жила в бассейнах рек Мезень, Вычегда и Печора [14. С. 11]. В общепермский период как на названной территории, так и на земле предков удмуртов произрастали многие теплолюбивые деревья, кустарники и травянистые растения. Согласно данным палеоботаники, например, дуб появляется в истоках Печоры во второй половине среднего голоцена, то есть в III–II тыс. до н. э., еще в финно-пермский период, до сложения общепермской общности [9. С. 159]. Орешник является постоянным спутником дуба. Надо полагать, что орешник произрастал на земле предков коми в те далекие времена, и местное население уже тогда называло его словом *пашкан* или близким к нему словом.

С XIV в. н. э. на земле наступает малый ледниковый период, наиболее ярко проявившийся в 1550–1700 гг. В некоторых провинциях Китая после сильных морозов в 1654–1676 гг. почти полностью вымерзли апельсиновые деревья. Оледенение в горах Европы достигло максимума в 1600 г. Вторичный макси-

мум наблюдался около 1820 г. после очень интенсивного похолодания климата в 1812–1817 гг. Этот период характеризовался влажным, холодным летом и холодной зимой [15. С. 26; 16. С. 97–111; 17. С. 7]. Тогда и на Урале климат был очень суровым и холодным. Об этом свидетельствует и тот факт, что в 1672 г. царь Алексей Михайлович издал указ, узаконивающий фактическое бегство жителей из Мангазеи и их отступление на юго-восток, к центру материка, которое было совершено ими под давлением сильнейших морозов на Севере [15. С. 42–43].

В малый ледниковый период продолжительность вегетативного срока растений сократилась на три недели [14. С. 26], в результате чего вышли из севооборота такие теплолюбивые культуры, как гречиха, просо, чечевица в хозяйствах коми, удмуртских и марийских крестьян. Это обстоятельство привело к забвению названий этих растений у данных народов. Когда установился современный климат, крестьяне снова начали возделывать эти культуры. Их новые названия вместе с семенным материалом ими были взяты у соседних народов – русских и татар, ср. к., удм. сев. *проса* < рус. *просо* ~ удм. южн. *тари*, мар. *тар* < тат. *тары* ‘просо’; к. *гречуга*, удм. сев. *греча*, *гречуга*, *гирча* < рус. *гречиха* ~ удм. южн. *сьёдчабей* (калька: *сьёд* ‘черный’, *чабей* ‘пшеница’), мар. *шемишдан* (калька: *шем* ‘черный’, *шыдан* ‘пшеница’) < тат. *карабодай* (*кара* ‘черный’, *бодай* ‘пшеница’) (букв. ‘черная пшеница’); к. *чечевица*, удм. сев. *кичивичи* < рус. *чечевица* ‘чечевица’ ~ удм. южн. *яснык*, *ясмык*, *яснык кӧжы* (*кӧжы* ‘горох’), мар. *ясмык*, *ясмык пурса* ‘чечевица’ (*пурса* ‘горох’) ~ тат. *яснык борчагы* ‘чечевица’ (*борчак* ‘горох’).

Сильные морозы малого ледникового периода погубили также и дикорастущие теплолюбивые растения на обширной территории земли. Так, например, граница распространения дуба и орешника теперь проходит с запада на восток через столицу Удмуртии – Ижевск. Между тем многие южные удмурты полагают, что эти деревья растут по всей Удмуртии и даже в далекой Сибири, где бывают и сейчас пятидесятиградусные морозы. В журнале «Молот» (бывший орган союза удмуртских писателей) только за 1967 г. на этой почве допущены две ошибки: в одном из рассказов известного писателя и журналиста В. Садовникова события происходят на севере Удмуртии, в окрестностях Чутыря, и дуб является важным элементом в построении сюжета произведения. А у журналиста Ф. Овчинникова при переводе рассказа эрзянского писателя П. Глухова собиратели кедровых орехов в далекой Сибири превратились в собирателей орехов лещины. Как известно, в центральной Сибири дуб и лещина никогда не росли. А в целом нет сомнения в том, что до наступления малого ледникового периода на коми земле, на Вычегде и в истоках Печоры еще произрастали дуб, орешник, осокорь, калина и клен. Сохранившееся в топонимах *тупу* ‘дуб’ на Вычегде дает основание полагать, что здесь когда-то шумели дубовые рощи. Причем эти топонимы представлены довольно в большом количестве, например, *Тупишор* – название левого притока р. Вычегды в окрестностях д. Туискерос (где *тупи* ~ *тупу* ‘дуб’, ср. удм. *тыпы*, диал. *тыпу* ‘дуб’, *шор* ‘ручей’, удм. *шур* ‘река, речка’); *Тупи-ты* ‘Дубовое озеро’; *Тупи-орд* ‘Дубовая сторона’; *Тупи-туй* ‘Дубовая дорога’ [18. С. 786], *Тупи-яг* ‘Дубовый бор’ *Тупи-йӧр* ‘Дубовое поле’, *Тупи-кыр-йив* (букв. ‘вершина дубовой горки’) [19. С. 282]. Как известно, деятельность православного миссионера Стефана Пермского происходила

на юго-западе коми земли, в Усть-Выми, в 1379–1396 гг., где еще мог произрастать дуб. На иконе знаменитой «Зырянской Троицы», написанной по его заказу, трижды зафиксировано слово *туну* ‘дуб’, значит, в кон. XIV в. это слово для местного населения было еще хорошо известно. В. И. Лыткин отмечал, что в современном языке коми это слово вышло из употребления в нарицательном значении [20. С. 33, 39, 145]. Граница распространения клена почти совпадает с границей дуба и орешника. Коми-зыряне и коми-пермяки клен называют русским словом *клён*.

На юге Республики Коми, в районах, где когда-то произрастал осокорь, сохранилось его название в многочисленных топонимах [19. С. 280] и в диалектном наименовании тополя; оно там бытует также в составе термина *оржитул* ‘деревянные гвозди, вбиваемые в осиновую колоду при долблении лодки’ (*тул* ‘деревянный гвоздь, клин’) [21. С. 260]. На территории проживания удмуртов климат оказался более благоприятным для произрастания осокоря, и поэтому его удмуртское название *урыжпу* бытует и поныне.

Похолодание климата сказалось также и на жизни животных. Северный олень появился уже в XII в. на юге Удмуртии. Его название, взятое от ханты коми населением, вместе со зверем перекочевало к удмуртам. В XVI–XVII вв., когда часть южных удмуртов переселилась в башкирские земли, эти животные обитали в северо-западной части современного Башкортостана. Наглядным его свидетельством является название речушки *Пужей-шур* (букв. ‘Оленья река’: удм. *пужей* ‘олень’, *шур* ‘река, речка’), которая протекает по земельным угодьям д. Четырман Янаульского р-на Республики Башкортостан. Переход зоонима *пужей* ‘олень’ к удмуртам говорит о существовании лингвистического континуума с коми населением и в XI–XII вв.

Из-за похолодания климата территория обитания ежей и змей переместилась южнее места проживания коми населения. Однако следы обитания этих животных, в частности название змеи, сохранилось в диалектном наименовании пиявки озерной (д. Кырс), а также в топониме *Кыйты* – озеро Кыйты, где *кый* ‘змея’, *ты* ‘озеро’ (д. Нёбдино). [19. С. 272].

В старинных словарях удмуртского языка встречаются названия павлина – *павин* и *тутыгыш* [22. С. 160; 23. С. 33], первое пришло из русского языка, а второе, по-видимому, из болгарского. Реалистическое изображение красочной внешности и грациозной походки павлина в свадебных песнях южных удмуртов могли быть созданы людьми, любовавшимися этой птицей в своем дворе. В пик холодов многие народы кур и молодняк (иногда даже взрослый скот) заносили в дом. Удмурты, например, кур спасали от холодов под нарами. Павлины в средней полосе России безвозвратно исчезли. Они, по-видимому, были завезены в Среднее Поволжье булгарами и не смогли адаптироваться к суровым климатическим условиям. Теперь я иначе смотрю на жизнь русского крестьянина, вынужденного в зимнюю стужу завести скот в жилой дом в книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Обратите внимание также на описание страшного холода 1690 г. в романе В. Гюго «Человек, который смеется».

Военную активность и грабительские набеги ненцев на русские и коми селения в конце XVII – начале XVIII в. [24. С. 60] можно объяснить не разложением

у первых родового строя и усилением военной аристократии, как трактует это явление Л. Н. Жеребцов, а вынужденной мерой по обеспечению оленей новыми пастбищами, поскольку традиционные места выпаса животных в этот период на Крайнем Севере уже были не в состоянии обеспечить ягелем и мхом из-за слишком короткого лета, приведшего, возможно, к образованию толстой ледяной корки на поверхности земли.

Перенесение названия калины на шиповник или на крушину ольховидную в некоторых местах проживания коми населения вполне объяснимо с точки зрения лингвистики. В общепермский период за этими кустарниками прочно зафиксированных наименований еще не было, в частности при образовании названия крушины как в коми, так и в удмуртском языках был использован принцип перенесения наименования ранее известного растения на менее известное растение, ср. удм. *сьӧд льӧмпу* 'крушина ольховидная' (букв. 'черная черемуха'), *пуны льӧмпу* 'тж' (букв. 'собачья черемуха'), к. *нюрльӧм* 'тж' (букв. 'болотная черемуха'), *ошсӧтӧр* 'тж' (букв. 'медвежья смородина').

Таким образом, исчезновение названий теплолюбивых растений связано с похолоданием климата в малый ледниковый период, а не переселением коми с южных территорий, где могли еще произрастать эти растения. Однако тут можно задать законный вопрос: если коми переселились с юга, то где же была их прародина, на какой территории? Если они ушли с земель, смежных с северными удмуртами, то там, как я уже указывал, теперь не растут ни дуб, ни орешник, ни осокорь.

Теперь вернемся к подробному рассмотрению версии Ю. Вихманна по поводу неравномерного распределения булгаризмов в отдельных пермских языках и попытаемся выдвинуть и доказать свою точку зрения.

Археологами убедительно показано, что задолго до прихода булгар в Среднее Поволжье пермские племена уже занимали обширные территории: от устья реки Уфа до Мезени [14. С. 11, 15, 23]. После прихода булгар коми-зыряне не уходили на север. В этот период удмурты и коми уже в основном вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и животноводством, частично пополняя продукты питания за счет охоты и рыболовства.

В Среднее Поволжье булгары проникали дважды. Первые булгарские племена – барсилы здесь появились в сер. VII в. и встретились с древними удмуртами на Левобережье Камы, на территории современной Татарии. В это время начинается приток местного населения с Верхнего Прикамья. Усиление притока носителей Ломоватовской культуры из Приуралья во второй половине IX в. приводит к сильной ассимиляции булгарского населения. Но в нач. X в. наблюдается мощный поток булгар из Подонья на эту территорию в результате наступления на них половецких полчищ. Так возникает в нач. X в. Великая Булгария [26].

Без представления конкретной лингвистической ситуации тех времен невозможно объяснить многие явления. Картину контактных зон удмуртов с булгарами и перемещение булгаризмов по территории проживания пермских народов я представляю следующим образом.

Усвоение ранних булгаризмов происходило, надо полагать, сперва левобережными удмуртами, затем эти булгаризмы постепенно перекидывались

к основной группе удмуртов, живущих на правой стороне Камы, и брали курс на север: пройдя через всю территорию проживания удмуртов, они проникли в среду коми населения. Заимствованные слова вместе с реалиями широким фронтом из деревни в деревню, из селища в селище перемещались из уст в уста удмуртов и коми, проделав огромный путь от берегов Нижней Камы до Полярного круга, а позже до берегов Северного Ледовитого океана, притом эти реалии уже производились руками самих пермских народов на базе болгарской технологии и по болгарским образцам. Представим такую картину. Южные удмурты в контактной зоне заметили, что, например, ткацкий станок у болгар более совершенный, чем свой. Южные удмурты осваивают его производство, затем этому делу постепенно обучаются последующие удмурты-соседи, а потом – коми.

Анализ состава лексики, являющейся общей для всех пермских языков, говорит о том, что отношения между булгарами и удмуртами были самыми тесными и дружественными. Только при добрососедских взаимоотношениях могли быть усвоены название частей и деталей ткацкого станка и одежды: у. *кубо*, кп. *коба* 'прялка'; у. *серы*, к. *сюри* 'цевка, шпулька'; у. *сусо*, кп. *суса* 'челнок'; у., к. *кись* 'бёрдо'; у. *тулмет*, к. *тулым* 'прядь в веревке'; сев. у., к. *žep* 'карман' (в северных диалектах коми языка форма *žep* заимствована из русского языка). В принципе о тесных и дружественных отношениях между булгарами и древними удмуртами говорят также землевладельческие термины: у., к. *ша-бала* 'отвал сохи'; у. *сюрло*, к. *чарла* 'серб'; у. *удыс*, к. *адас* 'постать, полоса, которую захватывают жнецы при жатве'; у. *культо*, к. *кольта* 'сноп'; у. *тысь*, к. *тусь* 'зерно'; у. *турто*, кп. *торта* 'приспособление для сучивания зерна (шест с прикрепленной к торцу поперечной дощечкой)'; у. *чумолё* 'копна', к. *чумали* 'суслон'. К остальным ранним болгарским заимствованиям, бытующим во всех пермских языках, относятся следующие слова: у., к. *карта* 'ограда, двор'; у. *кеч* 'коза', к. *кёч* 'заяц'; у. *куды*, к. *куд* 'корзина, короб, лукошко'; у. *кузё* 'хозяин'; к. *кузь* 'леший'; у. *бам*, к. *бан* 'лицо, щека'; у., к. *кудыри* 'кудрявый, шевелюра'; у. *силь* в слове *сильтёл*, к. *силь* 'буря, ураган'; у. *усьтыны*, к. *восьтыны* 'открывать'. Эти примеры говорят также и о том, что контакты между удмуртами и булгарами были внутрирегиональными.

Почему же остальные булгаризмы стали достоянием только удмуртского языка, почему они не были усвоены коми языком из удмуртского языка? Если коми не отделились от удмуртов в IX–X вв., и тем самым коми и удмуртский языковой континуум (лингвистическая непрерывность) территориально не был нарушен, то по какой же причине болгарские слова прекратили свое поступательное движение на север? На этот вопрос однозначный и точный, научно достоверный ответ дают исследования, проведенные методом лингвистической географии при составлении Лингвистического атласа Европы и Диалектологического атласа удмуртского языка. Сущность этого ответа заключается в том, что в коми языки не стали проникать остальные болгарские слова по той единственной причине, что с кон. XI – нач. XII в. свободные клетки коми языка стали заполняться русскими словами. С указанного времени потребности коми языка в новых словах для обозначения новых понятий стали удовлетворять русские заимствования – в конечном итоге отпала надобность усваивать булгаризмы, пришедшие вплотную

к коми земле через удмуртов. В результате внутрирегионального контактирования с русскими коми легко и в изобилии стали усваивать слова, которые были привнесены к ним русским населением. Конечно, эти русские заимствования могли быть словами различного происхождения. Сравнительный анализ заимствованной лексики из русского и болгарского языков в коми и удмуртском языках показывает, что лексические вхождения в том и другом языках обозначают одни и те же понятия. Усвоенные коми языком из русского языка такие слова, как 'деньги', *мерин* 'мерин', *зять* 'зять', *недель* 'неделя', *пѹмеч* 'коллективная помощь', *шѹвк* 'шелк', *телега* 'телега', *капуста*, *кочан* 'капуста' и другие – создали прочный заслон для проникновения булгаризмов с аналогичным значением в коми язык, то есть булгаризмы удмуртского языка типа *уксѹ* 'деньги', *улошо* 'мерин', *кырси* 'зять', *арня* 'неделя', *веме* 'коллективная помощь', *буртчин* 'шелк', *уробо* 'телега', *кубыста* 'капуста' стали совершенно ненужными для коми языка, потому что русские слова были полностью усвоены, и стали восприниматься носителями как свои собственные. Таким образом, булгаризмы в коми язык прекратили свое проникновение с кон. XI – нач. XII вв. благодаря удовлетворению своих потребностей за счет русизмов; и наоборот, в силу того что свободные клетки северноудмуртских говоров были заполнены булгаризмами, в язык северных удмуртов продолжительное время не проникали русские слова, хотя русское население стало проникать к северным удмуртам в кон. XII – нач. XIII вв. [27. С. 56; 28. С. 23; 29. С. 3–4; 30. С. 144; 31. С. 7]. Именно этим обстоятельством следует объяснить отсутствие в удмуртском языке русских заимствований с древними признаками, проникших через северноудмуртские говоры. В частности, в него не успели войти древнерусские слова с мягкими *ш'* (*шь*) и *ж'* (*жь*), которые начали отвердевать с XII в. В коми языке *шь* усвоен через *сь*, *жь* – через *зь*, ср. к. *чась* < др.-рус. *чаш'а*, у. *чаща* < рус. *чаша* 'чаша'; к. *сяр* < др.-рус. *ш'ар*, у. *шар* < рус. *шар* 'шар'; к. *лызь* < др.-рус. *лыж'и* 'лыжи'. Если удмуртское *сябась* 'за здоровье!' (возглас при провозглашении тоста) является усвоением русского *шабаш* (< др.-рус. *ш'абаш*) 'разгул пьяного веселья', то это почти единственное древнерусское заимствование с названным признаком. Другие, более поздние изменения, происходившие в русском языке регулярно, отражены в русских заимствованиях удмуртского языка, в частности переход *а* в *э* между мягкими согласными севернорусских говоров после XVI в.: *преник* 'пряник', *печет* 'печать', *опеть* 'опять', *меч* 'меч'.

К восточному коми населению русские колонисты пришли позже, чем к западной его группе, что давало возможность здесь дольше сохранить свободные клетки для проникновения булгаризмов, поэтому по сравнению с коми-зырянами в коми-пермяцком языке обнаруживаем больше булгаризмов типа *сугонь* 'лук' (растение), *торта* 'приспособление для сгребания зерна на току', *каб* 'колодка, форма', *суса* 'челнок' и некоторые другие.

При лингвогеографическом исследовании иноязычной лексики обнаруживается картина, когда линии встреч параллельных русско-татарских заимствований появляются с левобережья Чепцы. Эти линии отдельных изоглосс постепенно перемещаются на юг. Линии изоглосс более поздних русско-татарских параллельных заимствований встречаются на самом юге Удмуртии. Русские

заимствования, бытующие в языке северных удмуртов, в большинстве случаев имеют свое продолжение в языке коми народов, а тюркизмы южноудмуртских говоров – в языке восточных (реже луговых) марийцев. Чем позднее параллельные русско-тюркские заимствования проникают в удмуртский язык, тем линии их встреч проходят все южнее и южнее. При наложении таких карт на сводную карту эти линии напоминают годичные кольца древесины на ее распиле, что дает возможность провести относительную хронологию проникновения каждой пары по отношению к другим парам. Линии изоглосс на сводной карте помогают определить время проникновения новых слов не только в диалекты удмуртского языка, но и в коми и марийский языки, а также судить о времени появления этих слов в языке непосредственных соседей – болгар, татар и русских, потому что в основной массе эти слова в языках-источниках сами являются заимствованиями из других языков. В Первом выпуске Диалектологического атласа удмуртского (ДАУЯ) мы поместили пробную сводную карту, отражающую линии изоглосс названий шести объектов. По данным этих линий, названия шести объектов в удмуртский язык проникли в следующей последовательности: таракан, огурец, улица, полати, пила, бумага [45. С. 216].

В удмуртском языке насчитываются около 2000 пар русско-тюркских лексических включений. Эта специфическая особенность удмуртского языка имеет огромную ценность не только для изучения исторической лексики языков Урало-Поволжского региона, но и для исследования истории межнациональных отношений.

Многие авторы, в том числе И. В. Тараканов, специально исследовавшие болгарские и татарские заимствования в удмуртском языке, считают, что с падением Великой Булгарии и Казанского ханства удмурты прекратили усвоение болгарских, а затем татарских слов [6. С. 21, 50; 32. С. 11, 16]. Однако с падением этих двух государств соответственно в XIII и XVI вв. удмурты продолжали контакты с их коренным населением: с булгарами – до сер. XVI в., с татарами – по сей день, и естественно, проникновение новых слов в эти периоды не прекращалось.

Исторические документы сер. XIII в. ясно указывают, что в 1236 г. через Волжскую Булгарию прошла вся монголо-татарская армия, завоевав и разгромив ее. Затем монголо-татары хлынули на запад и в 1237–1240 гг. завершили завоевание русских земель. В 1240 г. при возвращении из Польши и Венгрии они снова напали на Волжскую Булгарию. С этими событиями связан уход части болгарского населения на территорию русских земель (владимирский князь Юрий Всеволодович разрешил в 1236 г. булгарам поселиться по поволжским берегам), а также на север – в Прикамье [26]. На Камском Правобережье уже с X–XI вв. имелись поселения булгар. На территории Мамадышского, Рыбнослободского, Пестречинского и Арского районов нынешнего Татарстана археологом Т. И. Останиной в последние годы найдены многочисленные археологические памятники, свидетельствующие об одновременном проживании там булгар (чувашей) и удмуртов вплоть до присоединения Арских земель к Русскому государству, то есть до 1558 г. О продолжительном проживании булгар на землях современных Арского и Мамадышского районов говорят также болгарские эпитафии (надмогильные надписи), датированные 1344, 1349, 1357, 1358, 1361 гг.

[33. С. 138, 145, 147, 149, 153]. Часть удмуртов, испытавших очень сильное булгаро-чувашское влияние, в лице современных бесермян сумела сохранить свой язык и обычаи благодаря переселению на земли северных удмуртов во второй половине XVI в. вместе с небольшой группой чувашей; последние вскоре, по-видимому, были ассимилированы местным североудмуртским населением и бесермянами. Т. И. Тепляшина, написавшая фундаментальное исследование «Язык бесермян» и представившая в ней богатейший языковой материал по бесермянам, вплотную подошла к определению прародины последних. Однако она сделала неверный вывод о том, что бесермяне – это потомки булгар, усвоившие древнеудмуртский язык после их переселения в бассейн реки Чепцы [34. С. 22]. Д. И. Корепанов и В. К. Кельмаков считают вполне доказуемым, что язык бесермян представляет из себя наречие удмуртского языка, развивавшееся в свое время рядом с южно-удмуртскими говорами под сильным воздействием булгарского языка, и вполне вписывается в систему коми и удмуртского языков [35. С. 113–115].

Поздние булгаризмы, вошедшие в язык арских удмуртов после падения Великой Булгарии, например, такие как: *шумот* «суббота», *йыран* ‘межа’, *сёу* ‘здоровый’, *сёулык* ‘здоровье’, *тулун*: *тулун нылли* ‘сирота’ и другие – уже не нашли себе выхода на общепермскую арену; они стали достоянием в основном шошминского и кукморского диалектов.

Таким образом, удмурты с булгарами и татарами контактировали по восемь веков (соответственно в VII–XVI и XIII–XX вв.).

Причина распада общепермской языковой общности, на мой взгляд, кроется не в локальном разобщении пермских племен в результате ухода коми на север или удмуртов на юг, а в неравномерном развитии отдельных диалектов и звеньев общепермского языка-основы в течение всего общепермского периода, длившегося около двух с половиной тысячелетия, возможно, даже более продолжительное время.

Из всех наук, изучающих проблемы этнической истории, наиболее надежные сведения дает диалектология, особенно изучение диалектов методом лингвистической географии. В этом отношении диалекты пермских языков не составляют исключения. Даже на данном этапе изученности материалы пермской диалектологии воссоздают довольно ясную картину того, как протекал процесс распада общепермской языковой общности: «В южных диалектах коми языка обнаруживаются некоторые удмуртизмы; наоборот, в северных диалектах удмуртского языка обнаруживаются некоторые явления, имеющие параллели в коми языке» [40. С. 32]. По мере продвижения на юг удмуртский язык приобретает собственно удмуртские черты. Диалекты общепермского языка-основы простирались на территории огромной протяженности. Родственные карельский, вепсский, мансийский и другие языки, окружавшие его северные говоры, выступали в роли консерванта, поэтому коми язык сохранил больше архаичных черт. Южные говоры общепермского языка-основы постоянно соприкасались с языками других систем. В этом отношении благотворными были контакты пермян с ираноязычными племенами, сменявшими друг друга и оказавшими сильное влияние на материальную и духовную жизнь пермских племен. Из иранцев особенно заметное влияние на пермян оказали алано-сарматские

племена. В диалектах пермских языков насчитывается более ста лексических иранизмов, отражающих крупные перемены в жизни пермских племен. Большинство иранизмов относится к земледелию, скотоводству, металлургии, торговле и общественной жизни. Формирование такой части речи, как имя числительное, завершилось нумеративами иранского происхождения. Индоиранский тип мышления, по-видимому, привел к слиянию творительного и совместного падежей в одном – творительном падеже (коми язык сохранил оба эти падежа), созданию новой формы настоящего времени из-за потребности формы будущего времени, повлекшего за собой ряд перестроек в области личного окончания глаголов и притяжательных суффиксов имен существительных и т. д. в удмуртском языке. Все эти крупные новообразования, появившиеся в функционально активной части языка, первоначально складывались среди тех пермян, которые жили по левым притокам Нижней Камы (Уфа, Бирь, Быстрый Танып, Буй, Ик, Зай и т. д.), в относительной изоляции от остальных соплеменников, затем эти новообразования распространились и на другие говоры южных пермян, придав их языку облик удмуртского языка.

Известный исследователь пермских языков К. Редзи предлагает этноним *удмурт* истолковать как «луговой человек», исходя из того, что *уд* в удмуртском языке означает ‘всходы, росток, рассада’, *уданы* ‘прорасти, всходить’, *мурт* ‘человек’ (слово *мурт* иранского происхождения). По его мнению, одно из племен удмуртов должно было носить название, связанное с понятием «луговые люди», ср. *луговые марийцы*, *горные марийцы* [41. С. 102–104]. В дальнейшем другие авторы, занимавшиеся этнической историей удмуртов, к луговым людям стали относить южных удмуртов, живущих ныне на Камском Правобережье. При конкретной локализации их мнения стали расходиться. Так, например, Т. И. Тепляшина удские племена помещает на камском правобережье, на территории Татарстана и юге Удмуртии [5. С. 101], а В. Е. Владыкин и Л. С. Христолюбова для них облюбовали место на левых луговых берегах Вятки [42. С. 3]. Если этноним *удмурт* действительно имеет отношение к понятию ‘луговой человек’, ‘луговые люди’, то данное название должно было носить удмуртское племя, которое жило на камском левобережье (от устья Белой до устья Камы), на его обширных низинных плодородных лугах. И на самом деле все нововведения как в области языка, так и в области материальной и духовной культуры у удмуртов в течение многих веков исходили от левобережных пермян, древних удмуртов, контактировавших с иранскими, а позже болгарскими племенами.

Булгары, оказавшиеся соседями южных пермян, здесь застали местных жителей, уже говоривших на древнеудмуртском языке, отличном от древнекоми языка.

Южное крыло общепермского языка стало принимать черты древнеудмуртского языка, по всей вероятности, вместе с формированием пьяноборской культуры, а древнекоми язык – с началом складывания гляденовской археологической культуры, начало сложения которых по времени относится к III–II вв. до н. э. Определенную близость пермских языков следует объяснять не недавностью распада общепермской языковой общности, а длительной продолжительностью общности до ее распада [43. С. 169].

В последних работах И. В. Тараканов пишет: «В результате критического изучения имеющейся литературы и проведенного анализа заимствований в болгарском слое лексики мы выделили около 200 лексических единиц» [32. С. 14]. А в другой работе он указывает: «Общее количество тюркских заимствований в удмуртском языке вместе с булгаризмами составляет... 2000 слов» [7. С. 51], то есть в удмуртском языке им выявлено 1800 татарских слов. Такая огромная разница в количестве булгаризмов и татаризмов в удмуртском языке невольно вызывает недоумение. Неужели от болгар, пришедших в Среднее Поволжье через южные цивилизованные народы и страны и поддерживавших связи с ними до падения Волжской Булгарии, удмуртами усвоено всего 200 болгарских слов? Несоразмерное соотношение булгаризмов и татаризмов в исследованиях И. В. Тараканова произошло потому, что он все булгаризмы, похожие на татарские слова, отнес к татарскому пласту заимствований. А в действительности в многослойной лексике современного чувашского языка имеется немало слов, идентичных по внешнему облику с татарскими словами. Это объясняется тем, что часть из них является общетюркским наследием, другая часть в том и другом языке представляет из себя иноязычную лексику, усвоенную из одного источника – монгольского, китайского, персидского или арабского. Руководствуясь именно этими мотивировками следующие слова удмуртского языка И. В. Тараканов отнес к татарским заимствованиям: *бакча* ‘огород’, *бекче, бечке* ‘бочка’, *егит* ‘молодой’, *сугон* ‘лук’, *гинэ* ‘только, лишь’, *ме* ‘на бери’, *сандак* ‘наковальня’, *сари* ‘буланый’, *саник* ‘вилы’, *сурым* ‘угар’, *сяська* ‘цветок’, *тус* ‘вид, цвет, окраска’, *кал*: *кал бырыны* ‘обессилеть, изнемогать’, *калык* ‘народ’, *кис* ‘тиски, клещи, щипцы’, *кыр* ‘дикий’, *чабак* ‘плотва’, *чагыны* ‘доносить’, *чиданы* ‘терпеть’, *чиданлык* ‘терпение’, *чепылытыны* ‘ущипнуть, взять в щепотку’, *чер* ‘болезнь’, *чупаны* ‘целовать’, *шадра* ‘рябой’, *шып* ‘тихо, тихий’, *шыпыртыны* ‘говорить шпотом, шептать, шушукаться’, *юри* ‘нарочно, преднамеренно, шутя’, *ялан* ‘всегда, постоянно’ и т. д. М. Р. Федотов был прав в том, что он эти слова отнес к болгарским заимствованиям удмуртского языка.

Разграничение булгаризмов(-чувашизмов) от татаризмов следует считать незавершенным. Исследователи тюркизов в удмуртском языке еще имеют в своем арсенале немало неиспользованных средств, которые помогли бы успешно решить эту отнюдь непростую задачу. В первую очередь следует смело применять метод лингвистической географии. Диалектологи давно заметили, что татарские слова в своем поступательном движении с юга на север дошли только до истоков рек левобережной стороны Чепцы. Это один из надежных критериев. Для разграничения булгаризмов от татаризмов в красноуфимском и канлинском диалектах обнаружены ранее неизвестные явления, которые в отдельных случаях могут служить критерием для разграничения татаризмов от булгаризмов. Так, например, в красноуфимском диалекте (Красноуфимский район Свердловской области) свистящие *с* и *з* в булгаризмах перешли в шипящие *ш* и *ж*, в татарских заимствованиях – сохранились, ср. лит. *саник* ~ красноуф. *шан'ьк* ‘вилы’, в канлинском диалекте различия в тюркизмах различного происхождения примечательны в области гласных [36. С. 86–151; 37. С. 62–84].

Широкий коридор, ныне разделяющий коми-зырян и удмуртов, образовался не в IX–X вв. и не в результате ухода коми от удмуртов на север. Он возник значительно позже, в XVI–XVII вв., в результате заселения этой территории русскими, обрусения, частичного ухода со своих земель, выселения удмуртского населения, возможно и коми. Из грамоты Ивана Грозного Сырьянским удмуртам от 25 февраля 1557 г. видно, что в том году изъявили желание принять христианство 17 семей населения сырьянского Слободского уезда для получения определенных льгот на три года. Были случаи принятия христианства удмуртами и в других местах и в более раннее время. Несомненно одно, что в нач. XVII в. удмурты, кроме Каринского стана, еще проживали по верхнему течению р. Вятки в пределах Лужановского, Холуницкого и Сырьянского станов Слободского уезда, а также в Шестаковском уезде и около устья р. Чепцы, окруженные уже русскими поселенцами [38. С. 353–354, 192–195, 198–205]. Смене удмуртского населения русским в контактной зоне между удмуртами и коми способствовало и то, что по этим местам в XV–XVI вв. проходила дорога русских колонистов со стороны Северной Двины к верховьям Камы, к Уралу. [24. С. 118]. О сравнительно недавнем проживании удмуртов на этой территории свидетельствуют также многочисленные топонимы [38. С. 92, 97]. Более позднее территориальное размежевание коми и удмуртов полностью согласуется и с данными лингвистической географии: если бы нарушение лингвистической непрерывности (континуума) между коми и удмуртами произошло в IX–X вв., то более поздние удмуртизмы коми языка не были бы достоянием только его южных диалектов, они за тысячу лет смогли бы перекинуться во все остальные диалекты коми-зырянского языка. Эта версия полностью подтверждается также и данными археологии. Территория Лузской Пермцы и сысольских зырян (сырян) в XIV–XV вв. еще вплотную прилежала к землям северных удмуртов [24. С. 39].

Ссылаясь на работы В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной и И. В. Тараканова, в последние годы А. Х. Халиков пытается доказать, что общепермская общность распалась недавно, в результате перемещения будущих удмуртов с севера на юг в X–XI вв., что до их прихода удмуртов на этих землях жили древние тюрки. К такому ложному выводу он пытается подвести своих читателей, опираясь, в частности, на работы И. В. Тараканова, который писал, что он в удмуртском языке обнаружил целый пласт древнетюркской лексики, усвоенный до прихода булгар [7. С. 16–21]. Однако лингвисты с мнением последнего не соглашаются, а Альфред Хасанович просто искажает В. И. Лыткина [44. С. 40–50], заявляя, будто Василий Ильич писал о том, что 80 % слов в лексике коми и удмуртского языков по происхождению являются общими – В. И. Лыткин такими глобальными подсчетами никогда не занимался. О таком процентном соотношении он писал только в отношении тех слов, которые содержатся в небольшом стихотворении, специально подобранном им в вузовском учебнике для иллюстрации того, что коми и удмуртский языки являются близкородственными [2. С. 15–18]. В целом назрела настоятельная необходимость заниматься проблемой определения возраста самостоятельных пермских языков путем использования методов и приемов, выработанных современной наукой, в том числе путем определения процентного соотношения слов на основе анализа всего лексического богатства удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков.

СОКРАЩЕНИЯ

др.-рус. — древнерусский язык, *к.* — коми язык, *кп.* — коми-пермяцкий язык, *красноуф.* — красноуфимский диалект удмуртского языка, *мар.* — марийский язык, *рус.* — русский язык, *сев.* — северное наречие удмуртского языка, *тат.* — татарский язык, *у., удм.* — удмуртский язык, *южн.* — южное наречие удмуртского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.

2. *Лыткин В. И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.

3. *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.

4. *Rédei K., Róna-Tas A.* Permi nyelvek öspermi kori bolgar-török jövényszavai // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1972. 24/2.

5. *Тепляшина Т. И.* Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

6. *Тараканов И. В.* Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: учеб. пособие. Ижевск, 1981.

7. *Тараканов И. В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке (удмуртско-тюркские контакты). Ижевск, 1982.

8. *Бараксанов Г. Г.* Происхождение лексики коми языка // Современный коми язык. Лексикология. М., 1985.

9. *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.

10. *Савельева Э. А.* Происхождение коми народа // Родники пармы. Сыктывкар, 1989.

11. *Гуляев Е. С.* Кытысь лоины пу нимъяс (= Коми ботанической терминологиясы) // Коми кыв да литература школаын. Сыктывкар, 1967.

12. *Ракин А. Н.* Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ) // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979.

13. *Ракин А. Н.* Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология. Сыктывкар, 1977.

14. *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов: сб. ст. Ижевск, 1987.

15. *Борисенков Е. П.* Климат и деятельность человека. М., 1982.

16. *Орешкин Д. Б.* Время льдов. М., 1989.

17. *Халевецкий З.* Изменяется ли климат на Урале? // Наука Урала. 1988. № 11.

18. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

19. *Туркин А.* Архаическая лексика коми языка в топонимике Вычегды // Советское финно-угроведение. 1971. Т. 7. № 9.

20. *Лыткин В. И.* Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952.

21. *Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

22. Краткий вотский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарией Кротовым в 1785 г. / Отдел рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, 137/111, шкаф 1, полка 2, № 128.

23. Словарь языка вотского. 1820 г. / Архив РАН, Санкт-Петербург. Рукопись. Ф. 94, оп. I, ед. хран. 241.
24. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами, X – начало XX в. М., 1982.
25. Королев К. С., Савельева Э. А. Генезис средневековых культур бассейна Вычегды / Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 192. Коми научный центр УрО АН СССР. Сыктывкар, 1988.
26. Останина Т. И. Болгаро-финские связи на территории Среднего Прикамья в эпоху средневековья: доклад на X Уральском археологическом совещании. Февраль 1988 г., Пермь, 1988.
27. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка, 1901.
28. Владыкин В. Е., Гришкина М. В. Исторические корни дружбы удмуртского и русского народов. Ижевск, 1970.
29. Фотеев Г. В. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978.
30. Makarov L. D. The finno-ugric component in the archeological materials from the Old Russian settlements of the Middle Vyatka area // Шестой Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар 24–30. IV, 1985. Т. IV. Сыктывкар, 1985.
31. Макаров Л. Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. канд. дис. Л., 1985.
32. Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые контакты: Автореф. докт. дис. Устинов, 1987.
33. Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1979.
34. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970.
35. Кельмаков В. К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Все-союзная финно-угорская конференция. Языкознание: тезисы докладов. Устинов, 1987.
36. Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978.
37. Насибуллин Р. Ш. О некоторых особенностях вокализма канлинского говора // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977.
38. Удмурты в XV–XVII веках: Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск, 1958.
39. Атаманов М. Г. Расселение удмуртов по данным этнотопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов: сб. ст. Устинов, 1987.
40. Серебренников Б. А. Общезыковедческие аспекты теории волн Иоганна Шмидта // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
41. Radanovics K. (Redei K.). Über den Ursprung einiger finnisch-ugrischer Volksnamen // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus. 20–24. IX. 1960. Budapest, 1963.
42. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Очерк этнографии удмуртов: учеб. пособие. Ижевск, 1984.
43. Атаманов М. Г. Общепермский пласт удмуртских антропонимов // Вопросы финно-угорской ономастики: сб. статей. Ижевск, 1989.
44. Халиков А. Х. Некоторые новые аспекты в этногенезе удмуртского народа // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.
45. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. I. Научн. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2009.

Поступила в редакцию 20.10.2014

R. Sh. Nasibullin

**Bulgarisms and their relation to the question about the time
of the collapse of common Perm linguistic community**

This article is devoted to questions about the time of the collapse of common Perm linguistic community on the basis of a new interpretation of linguistic materials obtained by scientists of several generations. The author widely uses method of linguistic geography and new knowledge gained during the work on the Linguistic Atlas of Europe and Dialectological Atlas of the Udmurt language. This article has been tested at a regional conference (Syktyvkar) and the International Congress for Finno-Ugric studies (Debrecen). The thesis was published in the newspaper «Science of the Urals».

Keywords: common Perm linguistic community, criticism of migration theory, language contacts, the Udmurt, Komi, Bulgar, Tatar, Russian languages, borrowings from the Bulgar, Tatar, Russian languages, parallel Russian-Tatar borrowings.

Насибуллин Риф Шакрисламович,

доктор филологических наук, профессор,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: rif_nasibullin@mail.ru

Nasibullin Rif Shakrislamovich,

Doctor of Sciences (Philology), Professor,

The Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: rif_nasibullin@mail.ru